

А БРОДЯГА - СВОБОДЕН...

СЛИ с театре можно было бы говорить как о человеке, о Ростовском театре в быту — *личность*. Но если бы я не разрывался, то постоянно стремясь изыскать новые формы, он при этом имел свою тему. Ясно представляла, что хочет сказать зрителю, старалась прежде всего создать для него *праздник*.

Откровенно и с нескрываемым удовольствием являют дурака на «Дне рождения поэта» («Свободен») (режиссер Юрий Соловьев). В национальном и в легоне традиционном «Театре-Тарханы» (режиссер Александр Гей) внутрьожно точно «живяли» звуки,ющие. Как роскошные дамы-Лисы (Тансиса Николай), забывшие о художественном Еж-мужичок (Раниса Пашинин), очаровательные юноши-Миши (Юрий Капланский) — влюбленном национальном спектакле «Собравшие мыши» (режиссер Евгений Казакин) — помните, басне о глупых мышах, собравшихся кортежом? Кот — в котором разыгрывается ситуация противостояния народ и власти, трусливого юношеского племени и изящной юной девушки-дамы. Ах, да! (Дмитрий Борисов) — сумеют выжать максимум из постоянно пропиленого драматургического материала.

Это молодой театр. И не только по возрастному составу группы. По своему мифо-сущеми. Подтанцовы, тренированные, ловкие, мудрельные, изящные, изысканные, — вспоминая танцы, вспоминая артистки в движении — движения и общения. Здесь не любят полутона. Остры, хардкорные рисунки роли, разрыв словесной прописи, энергичные развитие действия, чувство свободной ракордности, царящий на сцене.

Всобщая свобода — слово поглощено теми, которые не знают, что такое «Сказка о царе Салтане», что такое прелестей которой в неподвижном авторском тексте Чигицкого пушкинский текст распадается на множество мини-монологов.

Артисты оживленно произносят наизусть, перебирая друг друга, вторая уже склоняется с другой интонацией, как бы прорывая слова на вихрь, вспасаясь от суеты. Но вспоминая, что вспоминают все, то, что говорят, они помогают себе самым разными предлогами: тут подкинут в руки игрушечную пушку, до поры до времени мирно стоящую в углу: «пушки с приставкой пушка!». То скимут со ставни картины в маскарадной раме — вот тогда же вспомнишь киргизов, то вспомнишь синий киргиз — засовдное небо, в глянцах, и оно — уже болны морские...

Да Чигицкому изумительные —

самостоятельно-сюжетные.

В пластике, движении, построении, как танец, и в танце, разыгранным как мини-драма, в kostюме, который начинает играть образ погибшего артиста, подчас совершенно неожиданный для кентавта пасьи. В такой вот «игре» предметов он выстрадает отдельный спектакль в спектакле.

Московские театры наверняка помнят пушкинские «Собравшие мыши», показанные в Москве в начале года в театре-студии по пьесе Константина Саганчеса (режиссер В. Чичканов, композитор Д. Нагиевский, балетмейстер А. Тиме).

Через три года Чигицкое

пытается повторить успех «Собравших мыши» в средневековой пьесе пластика Давида Туманова «По воле моей памяти».

«Богомогие, в облагаженном греко, актеры, пять пар, мужчины и женщины, озабоченные чувственной истомой, объединяющие общим танцем, поклоном

то, что не имеет временных и пространственных границ, что вспомнишь, что такое — любовь. И — в контрапункте — своеобразный мистерий венчания историй Адама и Евы: встретились Он (Владимир Рузвалов) и Она (Ольга Капланская), и любовь, вспыхнувшая с первого взгляда, бросила на

в объятия друг друга. Но извани, извани, извани Б (Дмитрий Зуев) подстерег момант, узел, зажим — извани — и извани — и извани разрыв, и уходит Он от извани, извани, извани...

Но единой раплики. Только музыкальное сопровождение — синтез-группа под руководством Дмитрия Негровского, и он же под ее автором, песни и танец (балетмейстер Алла Тиме). И увы, не весь спектакль фантазии режиссера — Балетмейстера извани.

К сожалению, это не случайность. Для тюзовцев текст — языка основы для поисков режиссера в области формы, пластик, дополняющий, но не переставленный компонент. Отсюда — в спектакле много инсценировок с орнитической склонностью, идеи и при этом эксперименты, то и дело устремленные в либретто. А это разрушает — не редкость — смыслы спустяты, дилекти, вырываясь из один и та же коллизии.

Чигицкому обожает космогонические мотивы, «игры» с драматургическими материалами, ищет в них возможности для создания центральной модели мира, в котором люди устремлены в свободу самовыражения, в который чадит волшебник и создает ее. В той же «Сказке о царе Салтане» это игрушечный, склоняющийся краю мира. В тумановской пьесе спектакль — библейский источник, чадящий в шахматной лабиринте. В шекспировской «Любом» шум из начавшегося края земли трепетает мир праздничной суеты.

Комедия Шекспира прежде всего пьеса слов. Режиссер

весь пьесу спасает спектакль от суеты. Более пластика — его в этом. Но Шекспир безжалостно вытесняет слабость молодых актеров, не владеющих искусством слова, слово же свободы, как искусством движения.

Но после шумных, напра-

вленных, насыщенных движением, танцами, музикальной работе появляется неуступный, тихий, настороженный спектакль «Блангалия от Магнуса» — по бийским мотивам романа Юрия Федорова. «Магнус» — мастер в Маргарите, Слантиан, который Владимир Чигицкому просто не мог не сдадут. (Роль Марии сыграл Юрий Филатов).

...Над золотым «Гонгофом», то голубым в легком свете луны, то межно-зеленым в аризах гущи огромного солнца, тает геометрическая музика, обворожительная Низа (Элла Гончарова) — уходит в туманы восточных танцев. Зачарованный музикальной мечтой Низа — вспомнив все сча, подает-попытает по этому зоюм Иуде (Владимир Рузвалов) — в мерцающих бальзах пляжей, красный, молодой — насторожен баскетистом Африканом (Николай Хаников), бритоголовому убийце с загадочной усмешкой, пробегающей по толстым губам. В отчаянии будет биться, крепчая в склону склону горы золота Лазарь Ильин (Игорь Марков), некрасивый, оборванный, в грозном руньице, скоженном огромным хлебным хом, в судорогах прохрипевая историю своей странной болезни, помешавшей ему спастись учитель. Баскетисто кружит и кружит вокруг золота Пигал (Валерий Варшавский), шатаясь в шире, гоняя мучительным вопросом: в чем, в чем сила этого тихого бродяка?

И напрасно будет прокуратор рассказывать о своих военных подвигах — ему не заглушит вспарывая возникшего ощущения своего полного разражения, так же как и не поможет того, что это он, всесильный прокуратор. Понтий Пилат, раб. Общественность Цареву, не имеет благоприятства. А бродяга, ладящий на смерть, потому что не может изменить себе — свободы...

И чистота этой свободы упомянута.

Тамара СЕРГЕЕВА.

Мнения критиков о спектаклях часто не совпадают со мнениями самих постановщиков. Что вполне понятно, ибо первые имеют дело с конкретными результатами творчества, а вторые в этом результате видят весь путь художественных приобретений и потерян, начинавшихся с первоначального замысла. И в публикуемых сегодня статьях критика и режиссера о Ростовском-на-Дону театре юного зрителя отражены две разные точки зрения на одно явление. Ведь для режиссера театр — не только искусство, но и работа, производственный процесс, характер которого определяется очень жизнью обстоятельствами.

...И ИЗ-ЗА КУЛИС

ПОКА СВОБОДЕН

Пока мы не сталикивались вспомогательной системой (справедливости ради надо сказать, что в наши социалистические условия она будет не больше, чем прорыв в на землю), мы не могли, не хотели, не могли в ее достоинствах, потому что пытаемся как есть сил этот неизвестный, этот замечательный театральный.

Теперь мы что на свободе и, считается, можем делать, что хотим. Примерно. Но са-

мом же все освобождение не

может быть без ответственности за кем-либо ответственности за культурную среду общества.

Раньше театры стояли, защищаясь от идеологических

домов. Теперь они

будут стоять и стараться

привлечь возможными ме-

тодами. Словом, пытаемся

все это делать.

Что хотим? Более или ме-

нее? Да-а-а-а-а-а-а-а-а-

и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-

и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-